

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ВИДЕРКЕР

Доцент кафедры теории,
истории культуры и музеологии
Новосибирского государственного
педагогического университета.

Кандидат культурологии.

E-mail: widerker@ngs.ru

УДК 141

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В СМД-МЕТОДОЛОГИИ Г. П. ЩЕДРОВИЦКОГО

**работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта
«Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»
(грантовое соглашение № 14-18-03087)**

Статья посвящена проблеме антропологического дискурса в СМД-методологии Г. П. Щедровицкого. Автор доказывает, что для мысли Щедровицкого характерна антропологическая имманентность, а формальное отсутствие в его творчестве текстов по антропологии инспирировано историческим контекстом и метатекстом советской действительности второй половины XX века. В статье реконструируются антропологические идеи Г. П. Щедровицкого, ключевой тезис которого гласит, что человек не рождается, а создается, так как принадлежность к человечеству определяется не генотипом, а включенностью в структуры деятельности и мышления. Мыследеятельность — это субстанция, реализующаяся через свой орган — человека, который есть материал и элемент ее (мыследеятельности) системы. Люди занимают определенные позиции-ячейки в системе, присваивая присущие этим позициям механизмы мышления и виды деятельности, что определяет их (людей) восприятие мира. Индивид с жестко закрепленной позицией есть только «винтик» в системе. В то же время человек способен присваивать механизмы мышления и виды деятельности любой другой ячейки, тем самым приобретая возможность смены позиций. Этот свободно перемещающийся по системе человек, меняющий позиции, есть личность. Гуманистический пафос Щедровицкого состоял в убеждении, что развитие СМД-методологии приведет к появлению мыслящей генерации людей.

Ключевые слова: антропологический дискурс, СМД-методология, деятельность, мышление, структура.

Vjacheslav V. Viderker

THE PROBLEM OF A HUMAN BEING IN G. P. SCHEDROVITZKY'S STA-METHODOLOGY

This article deals with the problem of the anthropologic discourse in G. P. Schedrovitzky's STA-methodology. The author proves that the anthropologic immanence is characteristic for Schedrovitzky's thoughts, and the formal absence of anthropologic texts in his works is caused by historic context and the metatext of the Soviet Union's reality of the second half of the XX century. In the following article the Schedrovitzky's anthropologic ideas are reconstructed. The main idea holds that a man is not just born but created, as belonging to humanity is defined not only by genotype but the inclusion into the structures of action and thinking. Mental activity is a substance that comes to life through its own organ — a human being. Each individual is a material (on which action and thinking are "parasitizing") and an element (as he occupies a definite cluster in the structure) of the mental activity system. People are occupying stated positions in the system, adopting the mechanisms of thinking and types of activities peculiar to those very positions. This is what defines their perception of the world. A man with rigidly fixed position is only a "cog" in the system. At the same time, an individual can adopt the mechanisms of thinking and types of activities of any other position, gaining, this way, a possibility to change his own one. This "freely moving through the system" man is a personality. Schedrovitzky's humanistic pathos consists in convincing that the development of STA-methodology would lead to the appearance of thinking generation of people.

Key words: anthropologic discourse, STA-methodology, action, thinking, structure.

В современном научном знании вокруг антропологического дискурса сложилась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что мировое сообщество, единодушно закрепив за человеком статус высшей мировоззренческой ценности, не обладает достаточно удовлетворительной научной концепцией человека. Другими словами, декларациям об абсолютной ценности человека, об его правах и свободах как аксиоматических основах социальной организации и т. д. противостоит тот факт, что современная антропология затрудняется ответить на вопрос, *что есть человек?* Если отвлечься от ненаучных представлений массового сознания о человеке как о чем-то самоочевидном, на что можно указать, например, пальцем, то необходимо признать, что существует широкий спектр антропологических теорий, продуцированных разными методологическими установками и совокупностями эмпирических фактов. Взаимно критикуя друг друга, эти теории выявили свою ограниченность и принципиальную неспособность охватить все проявления человека. Разногласия на теоретическом уровне приводят к разногласиям на практическом уровне. В решении практических задач, например, в международных отношениях, данная проблема, когда общие антропологические декларации ситуативно «разворачиваются» на основе разных когнитивных и операционально-технических методов, инспирирует терминологическую турбулентность и содержательные расхождения в вопросе человека. Тем самым проблема человека в настоящий момент вышла на передний край гуманитарного знания.

В данной статье исследуется проблема человека в системомыследеятельностной (СМД) методологии Г. П. Щедровицкого. Прежде чем перейти к рассмотрению данной проблемы, мы должны сделать некоторые замечания общего характера.

Г. П. Щедровицкий как мыслитель сформировался в полифоничной интеллектуальной среде 1950-х годов. Вторая мировая война, давшая примеры как необычайного ранее героизма, так и ужасающей низости человеческой природы, актуализировала антропологический дискурс в планетарном масштабе. Широкий спектр гуманитарных проблем требовал своего осмысления. Внутри страны после смерти И. В. Сталина начался период «оттепели», сопровождавшийся некоторым ослаблением идеологического режима. В то же время в СССР фундаментальные основы марксизма-ленинизма оставались незыблемыми, что привело к оригинальному феномену, широко известному исследователям интеллектуальной среды того времени. Суть его в том, что мыслителю для официального признания своих идей было необходимо обосновать их полное соответствие идеологическим основам. Щедровицкий не стал исключением. СМД-методология противопоставлялась другим методологическим подходам как неспособным отвечать текущим научным задачам. Данная точка зрения, естественно, ставила вопрос об адекватности методов марксизма-ленинизма. Выходом стало разграничение поля применения СМД-методологии и марксистской методологии: «Я лично стремлюсь четко отделить, скажем, философию марксизма, диалектический и исторический материализм как общие основания всех наук — естественных, социальных и гуманитарных, как некоторое общее марксистское мировоззрение от собственно науки и научно-исследовательской деятельности. О том, что в области мировоззрения марксистские методы не срабатывают, речь не идет, как вы сами хорошо понимаете. Речь идет о других вещах» [Щедровицкий Г. П. 1997: 263].

Резюмируя представления марксизма о человеке, можно отметить, что человек трактовался как производное от общества, которое состоит из классов, он есть совокупность общественных отношений, в свою очередь отдельный индивид является выразителем идеологических, психологических и т. д. установок своего класса — феодал, наемный рабочий и т. д. Данная установка определила антропологический дискурс советской философской мысли. Анализ творчества Г. П. Щедровицкого показывает, что предметом его исследования были деятельность и мышление, точнее субстанциональность мыследеятельности, а собственно антропологическая проблематика открыто не фигурирует. Вместе с тем можно утверждать, что для его мысли характерна антропологическая имманентность. Данное обстоятельство давно отмечено исследователями. Так, С. А. Смирнов писал: «Щедровицкий выглядит принципиально антропологически ориентированным мыслителем, задевающим существо и нерв ситуации человека» [Грязнова Ю., Смирнов С.]. Несмотря на формальное отсутствие у Щедровицкого работ по проблеме человека, антропологический дискурс как бы «размазан» по всему его творчеству, что позволяет реконструировать его гуманитарные идеи.

Исходным импульсом, инспирировавшим создание СМД-методологии, стало испытываемое молодым поколением советской интеллектуальной элиты 1950–1970-х годов (Г. П. Щедровицкий, В. А. Лефевром, О. И. Генисаретским и др.) острое неприятие доминировавшего в научной среде того времени натуралистического мышления и естественнонаучной методологии, которые, по их мнению, были не способны адекватно реагировать на новые научные вызовы. Приоритетными задачами своей интеллектуальной деятельности Щедровицкий считал, во-первых, лингвистическую работу, т. е. создание развитого категориального аппарата, где каждое понятие имеет четкую формулировку, и, во-вторых, разработку новой методологии, призванной стать надежным фундаментом для всего спектра научного поиска. Поэтому, прежде чем приступить к исследованию проблемы человека,

необходимо четко определить, как в СМД-методологии определялся человек. Щедровицкий был убежден, что реальное бытие отдельного человека, социальной группы и, шире, всей генерации людей на определенном темпоральном срезе не может выступать в качестве предмета исследования. Человек как представитель биологического вида *Homo sapiens*, обладающий хронотопическим измерением, другими словами, пространственно-временной локализацией, есть объект исследования. В СМД-методологии принципиальное значение имеет разграничение объекта и предмета исследования: «Наука всегда имеет дело с некоторым сложившимся предметом изучения. Есть некоторый объект изучения, и он зафиксирован в каком-то эмпирическом материале... Если мы имеем просто описание проявлений объекта, то это еще не наука. Для того, чтобы сложилась наука, должен быть выделен некоторый *идеальный предмет*. Это значит, что наряду с собственно эмпирическим знанием строится модель объекта, и все описание строится в соответствии с этой моделью, а результаты относятся затем непосредственно к эмпирическому материалу. Наличие двух таких “каналов” и есть характерный момент собственно научного анализа. Хотя описания получают на моделях, а модели отнесены к эмпирическому материалу, но очень часто затем мы начинаем употреблять эти описания непосредственно по отношению к объекту и эмпирическому материалу» [Щедровицкий Г. П. 1997: 248]. Применительно к человеку «объект» — это реальная жизнь отдельного индивида, а «предмет» — это абстрактная модель, инвариант всего человечества. Научное значение предмета исследования заключается в возможности выявлять на модели общие закономерности возникновения, развития и функционирования включенных в нее объектов. «Задача формирования предмета науки состоит в том, чтобы построить такую модель и наделить ее такой жизнью, чтобы на этой модели можно было выделять некоторые законы и закономерности. Эти законы и закономерности — а они нужны нам для прогнозирования нашей деятельности — должны быть такими, чтобы они исчерпывались тем, что заключено в самой единице, т. е. они должны быть внутренними по отношению к ней — законами и закономерностями именно этого “кусочка действительности”» [Там же: 251–252]. «Единицей» отвечающей данным условиям является все человечество и его социокультурный уклад: «существует всего одна единица — весь универсум человеческой деятельности» [Там же: 254]. Достаточно рассмотреть любой вид деятельности или форму мышления, чтобы выяснить, что они выходят за пределы не только отдельного человека, но и отдельно взятой генерации и принадлежат всему человечеству.

Ключевой тезис Г. П. Щедровицкого гласит, что человек не рождается, а создается, так как принадлежность к человечеству определяется не генотипом, а включенностью в структуры деятельности и мышления, поэтому за пределами его внимания остается биология, физиология, психологические характеристики и т. д. Мыследеятельность — это субстанция, которая действует через человека. Другими словами, не человек мыслит и действует, а деятельность и мышление реализуются через свой «орган» — человека. Он дает следующее определение деятельности: «деятельность сама по себе есть субстанция, целостность и универсум... она течет через множество поколений, распределяясь между отдельными индивидами. Причем это не просто индивиды, это — люди и машины, и все это вместе образует единую материю, на которой паразитирует деятельность» [Там же: 257]. Подобным образом определяется и мышление: «Нельзя рассматривать сознание и психику индивида и самого индивида как какой-нибудь преимущественный материал-носитель мышления. Мышление существует во всем, на

самом разном материале, который дан человеку и человечеству... мышление есть непрерывная *субстанция* и *универсум*. Оно постоянно меняет свой материал, переходя из одной формы в другую за счет *стыковок* этого материала, за счет все время происходящих рефлексивных отображений, переносов, перетеканий, переходов из одного в другое» [Щедровицкий Г. П. 1996: 98–99]. В итоге можно сделать вывод, что человек есть материал и элемент систем деятельности и мышления, которые Щедровицкий объединяет в единую схему мыследеятельности [Щедровицкий Г. П. 1995]. Одновременно он утверждает, что без человека неправомерно говорить о деятельности и мышлении: «Если уничтожить человечество, то вообще нет смысла говорить о деятельности. Возникновение мышления и деятельности и есть форма возникновения человечества» [Щедровицкий Г. П. 1997: 264].

Щедровицкий считал, что одним из фундаментальных заблуждений Нового времени стала установка на индивидуализацию и психологизацию духа, другими словами, понимание мышления как «заключенного» внутри отдельного человека, в его голове [Щедровицкий Г. П. 1994: 82]. Критики подвергся и принцип субъект-объектных отношений, согласно которому изолированный субъект в результате взаимодействия с объектом извлекает из него определенные знания. В данном вопросе Щедровицкий опирался на учение И. Г. Фихте, который поставил под сомнение способность человека получать новые знания и формировать понятия в результате непосредственного столкновения с объектами природы. Фихте выдвинул принцип «филиации идей», согласно которому новое знание генерируется путем трансформации и развертывания уже имеющегося знания. В подобном залоге бессодержательно связывать знание с отдельным человеком, правомерно говорить о человеческом знании вообще. Сменяющие друг друга поколения реализуют процесс исторического развития совокупности знания, увеличивая его объем и качество. Так как знание можно только наращивать, то условием получения нового знания является его предварительное наличие. В итоге знание выступает как превосходящее отдельного человека и принадлежащее всему человечеству. Данный подход логически привел к девальвации принципов нововременного опытного знания. Взаимодействие с объектами природы и, шире, опыт рассматривается не в качестве способа получения нового знания, а как процедура обоснования, проверки на истинность, знания, вырабатываемого мышлением путем мыслительно-логического рассуждения. Тем самым опытная наука была низведена до уровня вспомогательной операции в процессе генерации нового знания.

В теории Г. П. Щедровицкого головной мозг человека — всего лишь материал, на котором действует мышление. В этой связи уместна аналогия между головным мозгом и техническим устройством, имеющим материальное выражение и способным к набору операций. «[Психофизиологи — В. В.] пытаются понять природу психики, мышления, деятельности, апеллируя к природе материала — нервных волокон, нейронов и пр. ... это все равно как пытаться понять устройство программ... изучая части и детали счетных вычислительных машин» [Щедровицкий Г. П. 1997: 264]. Мыследеятельность субстанциональна, существует сама по себе и способна к фиксации на широком круге феноменов, одним из которых является человек. Данная идея логически привела Щедровицкого к проблеме, которая в XXI веке обрела особую актуальность и известна под названиями «человеческий аутсорсинг» или «жизненный аутсорсинг». В широком смысле ее можно определить как передачу человеком своих жизненных функций на откуп внешним технологиям. Процесс перераспределения функций и задач между человечеством и внешними по отношению к нему феноменами (объектами, технологиями,

механизмами и т. д.) имел место на протяжении всей истории. Например, изобретение письма избавило человека от функции памяти, которая была перенесена на внешние внебиологические субстраты. Современная проблемная ситуация заключается в том, что «сначала передавалась механическая часть деятельности — теперь начинают передаваться умственные функции» [Щедровицкий Г. П. 1997: 256]. Жизненный аутсорсинг активно проникает в сферы, которые традиционно рассматривались как исключительно антропологические. Более того, технологиям начинают доверять больше, чем человеку. Развитие информационной сферы и возникновение высокоточных технологий сделали тривиальной ситуацию, когда машина самостоятельно принимает решение по принципиально важным задачам. Например, автоматизированная система управления атомной электростанции способна осуществить комплекс мер в случае внештатной ситуации. Разножанровые технологии, призванные облегчить человеку жизнь, одновременно отчуждают разнообразные физические и ментальные функции. В информационной сфере создан генератор паролей, который помогает придумывать устойчивые к взлому и легко запоминающиеся пароли. Одновременно пароль как литературно-культурный сюжет, отличающийся высокой степенью семиозиса, перешел в ряд анахронизмов. Всем хорошо известны тексты, как правило, историко-приключенческого характера, где персонажи по сюжету вынуждены отыскивать разные пароли, которые не являются случайным набором цифр или букв, а непосредственно связаны с существенными сторонами разворачивающегося действия.

Принципиально важно в антропологическом дискурсе Щедровицкого то обстоятельство, что он рассматривает людей сугубо в границах мыследеятельностной проблематики, на чем постоянно акцентирует внимание, тем самым отказывая человеку в каких-либо иных сущностных характеристиках. Индивид становится человеком только тогда, когда он есть материал (на котором «паразитируют» деятельность и мышление) и элемент (занимает определенную позицию в структуре) системы мыследеятельности. Щедровицкий детально описал механизмы возникновения и функционирования человека. «Человек есть ячейка внутри развивающейся системы деятельности. Это именно “место”, к которому привязаны определенные функции нашего целого и некоторые виды деятельности. Когда такие ячейки заданы, то мы начинаем “изготавливать” родившихся людей в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются этими ячейками» [Щедровицкий Г. П. 1997: 256]. В данной перспективе он приходит к выводу, что новорожденный ребенок еще не является человеком и задается вопросом: можно ли считать человеком индивида, которого в силу каких-то причин не сумели «изготовить». Люди занимают определенные ячейки в системе, присваивая присущие ей механизмы мышления и виды деятельности, что определяет их восприятие мира. Так, например, люди по-разному интерпретируют один и тот же социокультурный текст, что инспирируется различием позиций-ячеек. Первична внешняя по отношению к человеку организация деятельности, вторичны процессы индивидуального сознания. «Назначение сознания состоит в том, чтобы производить смыслы, и производить их довольно произвольно или свободно. Именно поэтому процессы смыслообразования зависят в первую очередь от позиций и позиционной организации деятельности» [Щедровицкий Г. П. 1994: 114]. Щедровицкий прекрасно осознавал, что подобное обстоятельство логически приводит к проблеме свободы и ответственности личности. По его мнению, человек с жестко закрепленной позицией есть только «винтик» в системе. В то же время человек способен присваивать механизмы мышления и виды деятельности любой другой

ячейки, тем самым приобретая возможность смены позиций. «Современный изощенный человек один за счет присвоенных им механизмов мышления может имитировать связи кооперации любой сложности» [Там же: 120]. Этот свободно «бродящий» по системе человек, меняющий позиции, есть личность.

Значение СМД-методологии заключается в том, что исследование механизмов и процедур мыследеятельности не только позволит сделать их транспарентными, но и поможет осуществить их коренную трансформацию, переход на более высокую ступень развития. В этом смысле люди есть творцы своего будущего. «Мы создаем методологическую организацию мышления и деятельности во всех их формах для организации собственного мышления и собственной деятельности, и это единственная цель и задача, которая нас интересует» [Щедровицкий Г. П. 1996: 68]. Идеи Г. П. Щедровицкого в значительной степени сохранили свою актуальность до настоящего времени. Разумеется, научные выводы СМД-методологии являются предметом оживленной дискуссии, но ее гуманистическое звучание имеет непреходящее значение. Глубоким гуманистическим пафосом проникнута вера Щедровицкого в созидательные возможности интеллекта человека, в продуктивность кооперации представителей всех научных дисциплин на путях развития теории деятельности и мышления. Он был убежден, что проделанная работа приведет к «улучшению» человека, появлению мыслящей генерации людей.

Литература

Грязнова Ю. Б., Смирнов С. А. Называя вещи своими именами (открытие дискуссии «О методологии и антропологии») [Электронный ресурс] // Кентавр. Сетевой журнал. — URL: <http://circleplus.ru/content/communicarium/dis/5/0>

Щедровицкий Г. П. 1996. Онтология и онтологическая работа // Вопр. методологии. — 1996. — № 3-4 (№ 23-24). — С. 65-122.

Щедровицкий Г. П. 1994. Рефлексия в деятельности // Вопр. методологии. — 1994. — № 3-4 (№ 15-16). — С. 76-121.

Щедровицкий Г. П. 1995. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избр. тр. — М.: Шк. культ. полит., 1995. — С. 281-298.

Щедровицкий Г. П. 1997. Теория деятельности и ее проблемы // Философия. Наука. Методология. — М.: Шк. культ. политики, 1997. — С. 242-268.